

https://www.b17.ru/article/samurai_and_edip_family_story/

Самурай и Эдип: семейная история

[Статьи / Семейная психология](#)

От автора: Написала... Многое осталось "за кадром"... Счастья тебе, самурай!

Самурай и Эдип: семейная история

Начиналось эта история очень банально. Мой коллега позвонил, рассыпался в дежурных расспросах о жизни и в конце разговора попросил «посмотреть мальчика». Я сразу отказалась, потому что не работаю с детьми. Но коллега меня успокоил – «мальчику» было за 20 лет, и с ним все вроде в порядке, и к психологу он хотел попасть сам, но вот его папа очень озабочен одним деликатным вопросом... Коллега помялся и сказал, что папа очень волнуется – ни гей ли его сын?

Меня это удивило. Я напредила коллеге о профессиональной этике и о том, что «мальчику» 20 лет. И о том, что если бы я даже что-то узнала, это останется между нами. Но коллега тут же извинился и сказал, что все понимает. Главное – чтобы я согласилась хотя бы на одну консультацию, возможно, двухчасовую. «Мальчика» он знает с детства, это сын его близкого друга, и очень важно, чтобы он мог поговорить с посторонним человеком о том, что его беспокоит.

Признаюсь, я не сразу дала ответ – прошло около двух месяцев, в течение которых я была в разъездах и не имела возможности принять нового клиента. Но коллега был настойчив, и я нашла «дыру» в расписании и все же дала согласие. «Мальчик» позвонил, представился – Антон, и мы договорились о встрече.

И вот, после всех предварительных переговоров мы наконец встретились. Он позвонил в дверь, я открыла – и обомлела...

На пороге стоял кто-то из другой реальности. На улице было -20, а молодой человек был одет в черную кожаную куртку с рукавами до локтя, широкие темные штаны и тяжелые черные ботинки. Как лента патронов, его грудь накрест пересекали лямки от двух сумок. «Можно?», - спросил он, открыто улыбувшись, и я, удерживаясь от «Ооооо!», и пропустила его в помещение. Он снял ботинки, и когда я увидела его со спины, меня ждал еще один сюрприз – хвост до пояса, собранный в прическу наподобие самурайской. Он опять выпрямился, и я еще раз окинула его взглядом. Высокий – выше 190 см., красивый, с очевидно крашеными в черный волосами и бритым лбом, в странной одежде – он производил впечатление спокойного и устойчивого человека. И голос – низкий, мужской, густой – никак не вязались со словом «мальчик».

Мы прошли в кабинет, сели. Я немного выждала. Антон спокойно смотрел на меня. Я еще раз представилась, спросила, был ли он когда-нибудь у психолога или психотерапевта. «Нет», - ответил Антон. Я кратко объяснила ему, в чем заключается сущность предстоящей нам работы, и предложила Антону рассказать, что его привело ко мне.

«Я не могу себя найти», - просто ответил молодой человек.

Я попросила рассказать подробнее.

История была обычной. Школа, хорошая успеваемость в младших классах, утрата интереса к учебе в старших, поиск себя на протяжении последних 5-ти лет. Попытки

поступать в вуз – дважды провалился, сейчас учиться в не самом престижном институте на творческой специальности, но не уверен, что это – его. Он изложил факты и посмотрел на меня вопросительно.

-А почему ты решил сейчас обратиться к психологу? Что-то произошло?

-Все происходит уже несколько лет, - ответил Антон. Я не понимаю, чего я хочу, туда ли я иду. И еще – у меня нет и не было девушки.

В этот момент я чуть не поперхнулась, хотя из разговора с коллегой предполагала о некоторых сложностях в этой области отношений. Красивый, с рельефными мышцами, с мощной энергетикой – несмотря на странный наряд, Антон выглядел очень привлекательным. Он совсем не производил впечатление человека, у которого есть проблемы в личных отношениях. И я начала осторожный рассказ.

Антон охотно рассказывал о себе. Ему 20, отец и мать в браке, сестра 5-ти лет. Платно учится, не работает. Деньги на терапию дает мать.

Когда я задала вопросы о «социальном» и стала углубляться, меня приятно поразило то, как он говорил о себе и других людях. В том, как он анализировал действительность, в самой структуре речи, характере описания обычных вещей поражала глубина и какая-то несоответствующая возрасту мудрость. Он два раза поступал – на журналистику и на режиссерский в Москву, но оба раза провалился. Нынешняя учеба на первом курсе кажется занудством и пустой тратой времени. Преподаватели не возбуждают интереса, лекции скучные, однокурсники живут своей жизнью...

-А чем живешь ты? – спросила я Антона.

-Я? – он немного подумал и ответил – я живу мечтами и надеждами.

Он рассказал, что много читает: «Путь воина» – бусидо (вот откуда необычный внешний вид), Ницше, Бегбедера и Маркса, Фрейда и Юнга, Кьеркегора и Пратчета... «Он просто чудовищно много читает», - подумала я с некоторой завистью. Он каждый день 2 часа (!) занимается спортом. Он пишет короткие рассказы. Он играет на клавишных инструментах и сочиняет музыку...

Создавалось впечатление, что я вижу того самого пресловутого «всесторонне развитого гармоничного человека»... И этот человек был одиноким – у него, по его собственным словам, не было Пути и Девушки.

Я, признаюсь, была заинтригована и очарована. Пролетели 45 минут нашей встречи, и спросила – хочет ли он продолжить нашу работу?

-Конечно, да, - ответил Антон.

Я озвучила основные условия контракта и договорилась на 5 встреч, чтобы понять, настолько я смогу быть ему полезной. На этом наша встреча закончилась.

На вторую встречу он пришел в той же одежде. Слава Богу, на улице всего -7, подумала я. Как и в первый раз, он не снимал своего странного наряда – сверху кожа, внутри мех – разулся и прошел в кабинет.

Антон был очень контактным, живым, охотно отвечал на все вопросы. Главной темой по-

прежнему было отсутствие интереса к учебе. Он рассказал, что в течение недели 2 раза сходил в университет, где у него просто возникает чувство глубокой тоски.

-Почему ты учишься там, где тебе не нравится? - спросила я. И тут возник Он.

-Потому что родитель так решил, - ответил Антон. В этот момент его лицо окаменело.

Он помолчал и добавил:

-У нас все решает родитель...

Признаюсь, мне показалось странным, что отца называют «родителем». Я спросила, почему Антон так его зовет.

-Это аллюзия на Тараса Бульбу –я тебя породил, я тебя и убью...

И дальше пошла сплошная тема войны. Антон использовал очень много агрессивных, боевых метафор. Всю сессию мы проговорили о том, как много его желаний на корню были зарублены его собственным отцом. Имея военное образование, отец занялся бизнесом, но собственную семью выстроил по образу и подобию армейской казармы. Сколько себя помнил – Антон жил по правилам. Он вставал и ложился тогда, когда говорил папа. Он ездил в пионерские лагеря, которые ненавидел, потому что так решал папа. Он учился в математической гимназии, хотя был гуманитарием – потому что папа так хотел.

Обо всем этом он рассказывал спокойно, без эмоций, все с тем же застывшим, окаменевшим лицом.

-Ты злишься на своего отца? – осторожно спросила я.

-Нет, - ответил Антон. – И, помолчав, добавил: - Я его ненавижу.

Я растерялась. Для меня ненависть – это глухое, сильное переживание, социально не очень одобряемое и поэтому обычно представляемое в «уменьшенной» модальности типа злости и раздражения. Видимо, заметив то, что я замешкалась, Антон продолжил:

-Он всегда все делал так, как считал нужным. А теперь я не знаю, нужно ли мне то, что я желаю, потому что почти все я делаю под его давлением или при его участии.

-Но почему ты не пробуешь делать то, чего хочется тебе? – спросила я.

-Потому что у меня не хватает ресурсов. Я зависим от его денег, - снова спокойно сказал Антон.

-А пробовал? – не сдавалась я.

-Да, много раз- , ответил Антон.

И после этого он рассказал, как в подростковом возрасте бунтовал против отца. Однако все попытки свободомыслия – не говоря уже о свободе действий – жестоко карались. Так продолжалось до 16-летия Антона. В 13 он начал заниматься тайским боксом, а к 16-то вымахал ростом выше родителя. И после этого – Антон вдруг замешкался и покраснел – отец не поднимал на него руку.

- Что с тобой? – спросила я. - Ты покраснел и как будто бы потух.

-Ничего... Просто неприятно вспоминать, - ответил Антон.

У меня возникло ощущение, что здесь что-то не так... Однако дальнейший рассказ Антона открыл ряд таких подробностей, что я решила – видимо, парню стыдно мне рассказывать такие вещи.

До 16 лет отец наказывал его физически. При малейшем неподчинении он заводил его в свой кабинет, приказывал спустить штаны и трусы до колен и наносил всегда три удара ремнем с пряжкой. После этого в течение нескольких дней Антон с трудом сидел. Однако, начав заниматься тайским боксом, Антон смог противостоять наказанию.

-Просто один раз я сказал ему, что не пойду в кабинет. Он тут же впал в ярость и потащил меня, я автоматически ответил... Завязалась драка. Он, наверное, убил бы меня, но к счастью вмешалась мама. И тогда отец сказал: воспитывай теперь его сама, и ушел, хлопнув дверью.

-А мама знала, что он тебя бил до этого?

-Нет. Отец всегда говорил – будь мужчиной. Виноват – неси наказание с достоинством.

Чем больше я слушала, тем меньше понимала.

-И что, мама ничего не замечала? Не догадывалась?

Антон задумался.

-Думаю, догадывалась... В детстве он несколько раз меня ударил при ней. И когда мне было лет 7-8, он ударил меня по лицу так, что потекла кровь из носа. И тогда у них был серьезный спор. У нас дома никто никогда не кричит – мы же приличная семья – Антон криво усмехнулся. Но я слышал, как мама сказала, что забирает меня и уходит к родителям. После этого отец некоторое время держался – а потом стал водить меня в кабинет для «мужских разговоров».

-Но почему ты ничего не рассказывал маме?

-Потому что я ее очень люблю, - спокойно ответил Антон. И его лицо в этот момент изменилось, стало нежнее.

Время закончилось, Антон ушел, а я еще несколько раз возвращалась к его истории. Мои контрпереносные реакции были сильными - злость по отношению к отцу и недоумение – как мать могла этого не замечать?

Наша третья встреча состоялась через неделю. Антон начал с того, что у него появились идеи о важном направлении в своей жизни. Он рассказал, что когда-то, когда не поступил в первый раз, хотел поехать «бременским музыкантом» в Европу. Его друг собрал небольшой коллектив, и на микроавтобусе они колесили по разным курортным местам Старого Света. Антону была нужна виза, однако отец запретил бабушкам и маме давать ему деньги и сказал – ты должен их заработать. Сам. Похоже, это было наказание за провал экзаменов, хотя поступать в ГИТИС было чистой авантюрой.

И родитель устроил Антона к своему другу барменом. Антон проработал месяц, и в итоге получил на руки около 50 долларов... Чаевые он не собирал – думал, нет надобности, и на них купил себе гитару. Когда он пошел к отцу, тот сказал – а что же ты думал? Это бизнес, мальчик. О зарплате надо договариваться заранее. И не дал ему 60 евро на визу.

Когда Антон об этом говорил, у него в глазах впервые блеснули слезы.

Я спросила – почему именно эта ситуация его задела больше, чем даже то, что отец его регулярно избивал?

-Потому что там он не мог сдержаться. А здесь мне была нужна его помощь. Он проманипулировал мной, и я не смог уехать с друзьями. Моя жизнь могла быть другой, но родитель преподавал мне урок: ты – никто, ничего не можешь, даже договориться... Антон неожиданно для меня закрыл лицо руками... Его плечи вздрагивали, а у меня возникло щемящее желание сесть с ним рядом, обнять... Но я понимала, что включаюсь во все еще и материнской позицией – ведь мой сын почти такого же возраста... Я подождала, пока Антон не открыл лицо, и сказала о своем сочувствии. И о том, что, похоже, эта ситуация его глубоко ранила.

-Да, после этого у меня была депрессия.

-Ты ходил к врачу?

-Нет, я умею читать, - невесело отшутился Антон и опустил глаза. – Вряд ли мне бы помогли таблетки, но меня накрыло. Причем так, что я подумывал...

Он замолчал, и это была та самая тишина, которую можно резать ножом. Я ждала. – Я подумывал о самоубийстве.

Он произнес эти слова и поднял глаза на меня.

-А родные не замечали этого?

-Родитель – нет. Было ощущение, что я для него не существую. А мама - мама видела и чувствовала. Она меня и «вытянула». Каждый вечер укладывала сестру спать и приходила ко мне. Говорила до полуночи, гладила по голове, рассказывала сказки и смешные истории... Ей тяжело пришлось – сестре был что-то около трех лет... Я месяца три-четыре приходил в себя...

-А как думаешь, что тебя так сильно «кольнуло»? – поинтересовалась я.

Антон помолчал. На лице мелькнула тень...

- Похоже, мысль о том, что я не нужен своему отцу. Не оправдал его ожиданий. И что он меня не считает человеком – так, мальчишка... В этот момент я подумала о том, что даже самые жестокие, самые нездоровые, самые сумасшедшие родители почему-то вызывают в детях одно-единственное желание – чтобы их любили...

И – в тот же момент – куда-то ушла энергия из нашего диалога. Я не поняла – что же случилось? Я спросила Антона, чувствует ли он, что изменилось наше общение. Он

ответил, что заметил это. Но мои расспросы о том, что произошло в этот момент, натыкались на глухую стену.
Сессия закончилась, и я осталась в задумчивости.

Четвертая встреча началась с того, что Антон опоздал на 10 минут. Запыхавшийся, он вошел и с порога стал рассказывать – он ходил на собеседование. Ребята создают boy-band – музыкальную группу из одних мужчин – и его, кажется, возьмут. Он весь светился, радовался, и было очень мило наблюдать за ним – таким радостным, двадцатилетним мальчишкой, а не за человеком за 70, каким он иногда казался.
А потом я, наконец, решила задать вопрос, который меня интересовал с самого начала: что Антон хочет сказать своей одеждой? Это было уместно, потому что перед этим я интересовалась, как его восприняли на собеседовании.

Антон задумался и снова улыбнулся.

-Мне раз сто задавали вопрос про мою одежду, но в такой вариации – ни разу.

-Я просто заметила, что ты все время ходишь в этой куртке? жилетке? даже не знаю, как назвать...

-Это типа хаори... Верхняя одежда самурая... Конечно, это просто кожа с меховой подкладкой – подруга сшила, она на дизайнера одежды учится.

-И тебе тепло в ней в минус двадцать? – не удержалась я от любопытства.

-Да, там же мех. Норка.

Я удивилась. Понимая, что отец контролирует финансовые потоки и во многом отказывает сыну из принципа, я не поняла, как он дал деньги на такое дорогостоящее и странно выглядящее удовольствие.

Антон, будто прочитав мои мысли, ответил:

-Мех дала мама. После рождения сестры она поправилась, а родитель подарил ей в эту честь новую норковую шубу. Вот она и отдала мне старый полушубок, узнав, что я мечтаю пошить себе хаори. Мама у меня просто фантастическая, - добавил он, и глаза его засияли...

И тут я поняла. «Мать – образ мира, отец – способ действия...» Проблемы выбора, поиска Пути – это проблемы, связанные с отцом, человеком, который все и за всех решает, который не давал сыну возможности расти – и теперь вынужден наблюдать за ним без возможности что-то изменить. Все, что ему остается – контролировать финансовые потоки.

А Девушки у Антона нет, потому что есть фантастическая мама. Любимая, идеализированная, чувствительная, при этом много лет не замечавшая, что муж издевается над сыном.

Испытав секундную радость от того, что я концептуализировала проблему, я внимательно посмотрела на Антона. И решила повременить со своими интерпретациями – лучше послушать, куда двинется он.

Антон еще несколько минут говорил об одежде. О том, что понимает, как его воспринимают люди. Что многие на него косятся – особенно в метро, поэтому он максимально старается ходить пешком. И что носит эту одежду уже два года – с тех пор, как вышел из депрессии и подруга пошила ему хаори.

-Как ты думаешь, может, то, что ты носишь мех, подаренный матерью, так близко к твоему телу, имеет для тебя какое-то специальное значение?

Антон рассмеялся.

-Сейчас Вы будете мне рассказывать об Эдиповом комплексе – сказал он, улыбаясь. Видимо, у меня на лице промелькнула тень растерянности, потому что он веселился.

-Ну что, правда?

Я не стала отпираться.

-Да, у меня есть предположение, что сложности с поиском Девушки связаны с тем, что ты не хочешь предавать маму. Она столько для тебя сделала, и ты правда ее очень любишь...

Антон пристально, как бы что-то взвешивая, посмотрел мне в глаза.

-Да, я люблю маму. Но это не при чем к тому, что у меня нет девушки.

Он сказал это как-то очень отстраненно и серьезно.

-Тогда что «при чем»? Как ты сам себе это объясняешь?

В этот момент зазвенел будильник – наше время закончилось. Антон как будто с радостью воспринял конец сессии, быстро вскочил, обулся и, попрощавшись, ушел.

Наша следующая сессия была последней из тех пяти, на которые мы договаривались.

Антон пришел вовремя и какой-то грустный. Я напомнила, что это – наша последняя встреча из тех, на которые мы договаривались, и что в конце мы решим – продолжать или остановиться.

Антон сказал, что его взяли в группу. Что теперь он меньше спит, потому что ему важно успевать делать все то, что он любит – спорт, тренировки по тайскому боксу, книги... Что он входит в ритм, потому что репетиции 3 раза в неделю. Что слова его песни понравились лидеру...

Он говорил, говорил, говорил. Слова были как завеса. Я не чувствовала связи с Антоном, но мои попытки остановить его и поговорить о том, что было прошлый раз, о его запросе, его истории наткнулись на вежливое «да, но сейчас мне хочется поделиться с Вами»...

Наконец, заметив, что до конца остается меньше 10 минут, я сказала:

-Антон, то, что Вы рассказываете, очень интересно, но у меня создается впечатление, что Вы от чего-то убегаете. Темы, которые мы затронули с Вами – отношения с отцом, матерью, девушками – сегодня никак не звучат. Я задам Вам один вопрос – о чем Вы сегодня больше всего не хотите говорить?

Я даже не заметила, что перешла на "Вы" - похоже, возникшая между нами дистанция не автомате "переключила" меня в другую модальность.

Антон умолк. На его лице отражалась борьба. Было видно, что он делает усилие над собой. Мне казалось, что еще мгновение – и дверца откроется, и он снова впустит меня...

Но нет. Как скрежет подъемного моста, раздалось вежливое «Все хорошо», еще несколько ничего не значащих фраз – и сессия закончилась. И, будто упреждая вопросы с моей стороны, Антон торопливо произнес:

-Спасибо, Наталья, Вы мне очень помогли. Я Вам еще позвоню, если Вы позволите.

И он исчез. Я еще некоторое время вспоминала о нем. Было ощущение, что я пропустила что-то важное. Не заметила, не обратила внимания... Мне было жаль, что, по моему ощущению, мы никуда не продвинулись... И я начала писать историю нашей краткосрочной и не очень впечатляющей терапии – похоже, чтобы завершить отношения.

И, написав большую часть того, что Вы уже прочитали, я вдруг задумалась о том, что Антон с таким трудом попал ко мне – и так стремительно ушел, что это само по себе кажется симптомом. От кого он хотел уйти? От чего он убежал? Я не знала ответы на эти вопросы, и вряд ли у меня был шанс их узнать...

Наступило лето, закончились пары в университете, клиенты ушли на каникулы. На следующий день я собиралась уезжать на интенсив и собирала чемодан. И вдруг раздался звонок. Звонил Антон. Он попросил о встрече.

Вихрем мелькнула мысль «неудобно», о правилах и о нашем «неправильном» завершении. Я лишь сказала, что завтра утром уезжаю и единственная возможность встретиться у нас сегодня.

Я собрала вещи. Я ждала встречи – и тревога, и любопытство переполняли меня.

И наконец, время настало - он пришел. Все такой же – только одет в обычную черную майку, в обычные джинсы и кроссовки. Бритые волосы на лбу отрасли, он зачесал их в хвост. Он разулся и сел.

Я молча смотрела на него. А он – на меня.

Прошло несколько секунд, которые мне показались вечностью, и он сказал:

-Я пришел попрощаться. Я сделал карту поляка и скоро уезжаю учиться в Польшу.

Я не знала, что ответить. И по автоматической привычке, конечно же, задала вопрос:

-Что Вы хотите мне сегодня рассказать?

Антон опустил глаза. Когда он смотрел в пол, его лицо менялось – как будто с того места, где я сижу, из лица мужчины оно становилось лицом потерянного мальчика, который не знает, что ему делать. Я ждала.

-Я хочу рассказать Вам... Спросить у Вас... В общем... Я не знаю, как к этому

подступиться...

Антон снова замолчал. Я его не торопила.

Потом он, словно набравшись решимости, сказал:

-Мне нужно рассказать Вам все.

И он начал.

-Помните, Вы спрашивали у меня про депрессию? И почему меня так заштырило?

-Да, я помню.

-Это было не из-за денег. Все было намного хуже.

-Вы говорили, что думали о самоубийстве...

-Да...

Пауза, емкая и глубокая, повисла, как туман.

-Я слушаю. Попробуй рассказать мне все, что считаешь нужным...

-Мне сложно про это говорить... Помните, я рассказывал, что отец перестал меня бить? Это произошло не потому, что я вырос...

Он снова замолчал.

-Это произошло, когда он попытался меня в очередной раз избить. А я сказал, что знаю его маленькую тайну... Что он... Он постоянно посещает порно-сайты...

Он еще немного помолчал, и, прямо глядя мне в глаза, твердо сказал:

-Порно-сайты для геев.

Я опешила. Коллега, который звонил мне, был обеспокоен беспокойством отца о сексуальной ориентации сына... Неожиданный разворот истории.

-А еще с возрастом я стал понимать, что когда он бьет меня, то чувствует возбуждение. Он начинал тяжело дышать, и, заставляя меня обнажить... спину...

-Попу, - механически поправила я.

-Да, именно! – вдруг отчаянно крикнул он. – Именно попу! Он несколько минут примерялся, всхрипывал... В детстве это было страшно... Я ждал этих трех ударов – и всегда думал, что виноват, что плохой, что получаю за дело... Но когда я все понял – это стало еще и противно. И когда я сказал – нет – и рассказал, что я знаю его тайну, он озверел... Он готов был меня убить... И тут мама – хорошо, что она оказалась дома.
-Как ты с этим справлялся?

-Плохо... Я не мог уснуть, мне снились кошмары... А потом – потом стало еще хуже. Мой

сосед – мы с ним в одной школе учились, он на год младше – однажды сказал мне, что мой отец... Не могу произнести...

И тут он заплакал... Я вначале растерялась. Но уже через мгновение, проигнорировав все правила и отмахнувшись от призрака профессиональной совести, села рядом и взяла его за руку.

-Я тут, я тебя слушаю – все, что я могла в этот момент сказать. И снова не заметила, как перешла на более близкое "ты".

-Мой сосед – голубой... И он сказал, что у него это было... Было с моим отцом... Это было в то время, когда отец отправил меня работать к другу и не отпускал из дома за границу...

Мое сердце переворачивалось. Вся картинка, которую я строила до этого времени, оказалась совсем не такой, как я думала.

Вытирая слезы, Антон повернул ко мне голову и сказал:

-Я не мог выбрать Путь. Потому что боялся за маму, за сестру. Потому что мне было стыдно.

Опять помолчав, он сказал тихо:

-И я боялся встречаться с девушками. Я думал – вдруг я такой, как мой отец?

Признаюсь, я была растеряна... Все обрушилось на меня как лавина. Все мои предположения были «в молоко»: и конкуренция с папой за маму, и выбор тайского бокса как подобия военному выбору отца... Я вдруг почувствовала, как сильно Антон был травмирован... И он был готов довериться мне. Его рука была в моей руке.

У нас оставалась только одна, вот эта встреча. Только «здесь-и-сейчас». И она уже длилась не час, а больше.

Были проговорены обиды и боль. Были обозначены ненависть – и сильное желание, чтобы отец замечал его. Были и стыд за такого отца – и сочувствие к нему.

И были девушки – которые интересовали Антона, которые ему нравились, возбуждали, будили воображение. Из нашего разговора стало понятно, что у Антона все в порядке – и с ядерной половой, и с полоролевой идентичностью, и с выбором сексуального объекта... И наконец были произнесены слова – я не такой, как мой отец... Я – гетеросексуал...

И все же оставалась боль и обида. И недоумение – как же поступить? Рассказать матери правду об отце – «убить» отца в ее глазах... Не говорить – обрекать Антона на то, что он переживает в одиночестве уже несколько лет... Непростой выбор, сдобренный ненавистью, печалью, переживанием вины.

Я спросила – какие истории приходят в голову, когда он пытается найти выход? Антон, невесело улыбнувшись, неожиданно ответил:

-История про Эдипа... Я, когда искал себе психолога, читал Фрейда и его идеи об эдипальной стадии развития. Все думал – может, это у меня от конкуренции за мать?

-А что в истории Эдипа похоже на твою?

Антон задумался...

-Отца Эдипа все считали царем, а он на самом деле был плохо воспитанным и наглым стариком, которого нужно было проучить.

- И?

-И Эдип его проучил.

-А ты помнишь, что было дальше?

-Да, невеселая история. Эдип заботился о своей матери, женился на ней...

-А дальше?

-Узнав правду, мать покончила жизнь самоубийством, а Эдип себя ослепил...

-Какие переживания у тебя вызывает эта история?

-Гнев... Отвращение...

-И тогда – что ты думаешь о том, чтобы «проучить отца»?

-Не знаю. Правда, не знаю, что делать.

Я тоже не знала. Что-то из рассказа Антона явно было правдой. Что-то, возможно, он воспринимал в искаженном свете. Да, его отец – бисексуал. И он знает об этом. Похоже, его отец – психопат... Но сложно судить – возбуждался он, когда бил Антона, или злился. Сложно понять, как мать этого не видела. Идеализация матери и обесценивание отца, представление его исчадием ада не принесут мира и покоя в душу Антона.

Я была растеряна. И опять спросила:

-Ты готов стать Эдипом? Ты готов разрушить свою жизнь, жизнь матери и отца?

-Я не знаю. Я не Эдип.

-А кто ты?

-Я? Я... - Антон задумался и после продолжительной паузы сказал: - Я – самурай!

Это был самый странный ответ и самая необычная идентичность, которую я встречала.

-А как бы поступил самурай, которого жестоко воспитывал отец, узнай он все то, что узнал ты?

Похоже, мой вопрос застал Антона врасплох... Он помолчал и потом глухо ответил:

-Самурай уважает отца, что бы тот не делал. И самурай бы следовал кодексу чести.

И вдруг, сжав голову, он застонал:

-А я так больше не могу...

Я все еще сидела рядом, но уже не держала его за руку. Я понимала, что Антон травмирован, что он весь состоит из кусков, что его шить и шить, и непонятно, с чего начать, но у меня нет ни времени, ни волшебной иголки. Папа – гей? педофил? психопат? социопат? Мама – жертва? соучастник? От того, что я ему сейчас буду описывать картинку его жизни, анализировать отношения с матерью и отцом, толку мало. Это долгая, кропотливая работа. Я понимала, что время неумолимо подходит к финишу...

-Антон, - вопросительно произнесла я.

-Да?

-Ты готов поучаствовать в одном действии? - Я не заметила, как перешла на "ты"

-Да...

-Тогда закрой глаза... Я предложу тебе стать режиссером и оператором кинофильма... Этот фильм – про тебя. Мы попробуем посмотреть его на ускоренной перемотке а потом решим, что делать...

...Я попрошу тебя представить твоих родителей молодыми... Представь – вот они встретились, познакомились... И полюбили друг друга... И в результате этой любви на свет появился ты ... Представь, как родители смотрят на тебя, маленького ребенка – с гордостью и любовью...

А теперь представь – они стоят напротив тебя... В твоём фильме каждая минута – несколько лет... Ты подросток... Вот тебе три года... Родители по-прежнему смотрят на тебя ... Вот тебе шесть... Они замечают, как ты быстро растешь, и продолжают смотреть на тебя с любовью. Вот тебе 9... 12... 15... 18... И вот ты стоишь перед ними такой, как ты есть сейчас. А они по-прежнему смотрят на тебя с любовью... Сделай шаг к отцу, посмотри на него, и скажи, как ты обижен и злишься...

В этот момент лицо Антона исказилось, как от сильной боли. Желваки заходили, он стал чаще дышать... Я подождала некоторое время и мягко произнесла:

-А теперь скажи ему – все равно ты остаешься моим отцом. И поблагодари его за это.

Было видно, как нелегко приходится Антону. Я снова выждала и сказала:

-А теперь подойди к маме... Скажи ей все, что считаешь нужным... А теперь скажи – ты все равно остаешься моей матерью... И поблагодари ее за это.

Когда лицо Антона стало спокойным, я попросила:

-А теперь отойди от них на шаг... Еще на шаг... Еще на шаг... Смотри на своих родителей – они дали тебе жизнь... Они тебя вырастили... Они сделали много разного – и плохого, и хорошего... Но они сделали свой выбор быть вместе... А ты всего лишь их сын. Скажи им одну фразу: «Я уже взрослый» - и посмотри на них... Скажи им: «Спасибо за все» - и посмотри на них. Скажи им: «Будьте ко мне доброжелательны, когда я уйду от Вас. Смотрите на меня с любовью. Я - Ваш сын»...

А теперь повернись... У тебя впереди – твоя жизнь... Твой Путь... Твоя Девушка... И ты можешь следовать по этому пути – а можешь все время оглядываться, но тогда ты

пропустишь что-нибудь важное... Прислушайся к себе... Готов ли ты идти по своему пути? И, когда ты получишь ответ, открой глаза...

Через минуту, которая показалась мне вечностью, Антон открыл глаза. И тут же с тревогой спросил:

-Вы меня загипнотизировали?

-Ну что ты, -успокоила я Антона. – Я понятия не имею, как это делается.

Я пересела с дивана на свое кресло и внимательно посмотрела на Антона.

-Как ты? – спросила я.

Антон улыбнулся.

-Удивительно спокойно, - ответил он. Пока я представлял себя маленьким, я вдруг вспомнил, что папа меня везде водил...

Я заметила, что он впервые назвал его ПАПА, а не родитель.

-Он возил меня на санках в садик. И покупал конфеты, за которые его ругала мама. И каждое лето мы ездили на море... И он меня учил плавать...

Антон задумался.

-Я как будто все это забыл – а теперь вспомнил.

-Да, это правда. В твоих отношениях с отцом было разное – и хорошо, если ты об этом будешь помнить.

-Я хочу поделиться – я никогда не видел своих родителей вместе. Точнее, видел, но я впервые подумал о том, что они... Ну, что они муж и жена... В последнее время я вообще забыл об этом.

-Похоже, что в последнее время ты узнал слишком много того, что не должен был знать. Хорошо, когда двери родительской спальни надежно закрыты и охраняют свои тайны.

-Но я то знаю, - сказал Антон, и его лицо опять стало жестким.

-Да, согласилась я. Знаешь. Но можешь махать этим знанием как флагом. Можешь положить его в дальний сундук памяти. А можешь помнить и хорошее, и разное...

Время давно закончилось, а мы еще говорили. Потом закончилось даже то время, которое закончилось после того, как все закончилось...

И я, наконец, сказала:

-Нам пора остановиться...

Антон улыбнулся.

-Да, правда. Я и так Вас задержал.

-Когда ты уезжаешь?

-В начале августа. Надо снять квартиру, решить море вопросов... А можно Вам иногда звонить по Скайпу?

-Если нужно – да. Хотя я не очень люблю такую работу. Тогда встречный вопрос – я могу использовать твою историю?

-Как?

-На лекциях в качестве примера. И как описание случая – я уже написала кусок...

Антон подумал.

-Я очень узнаваемый. Но в принципе я не против. Только пришлите мне почитать – я пришлю Вам свой e-mail...

-Пришлешь куда?

-В Фейсбук, Вконтакте – Вы же есть везде... Я Вас вначале нашел в интернете, а потом попросил, чтобы родители нашли знакомых, чтобы к Вам обратились...

-А почему не обратился сам?

-Потому что я звонил сам, а Вы мне отказали.

«Боже, одни тайны и интриги», - подумала я. Но это было уже не важно.

И он обулся. И сделал шаг. А потом повернулся и спросил:

-Можно я Вас обниму?

Я кивнула. И он обнял меня – маленький ребенок, мужчина, сын... И тихо прошептал:

-Спасибо...

Через месяц я дописала текст. А осенью он прислал мне свой почтовый адрес. Я отправила ему письмо, он почитал и долго не отвечал. А потом ответил. Письмо было длинным – про то, что он думал, как мучительны были его размышления, про свои тревоги и страхи, и как вдруг произошло чудо и ему стало легко. Его письмо размером превосходило мой текст. Но оно было каким-то хорошим – от него веяло надеждой.

В конце он писал, что примирился с тем, что было. И что редко думает об отце. Что скоро у него сессия и первые каникулы. Что он был дома всего один раз – и все было как-то очень спокойно.

И, самое главное, чем он хотел поделиться - у него есть девушка. Она из Украины, как и он, учится в Польше. И у него с ней ВСЕ хорошо.

Я прочитала его несколько раз. Признаюсь – в некоторых местах у меня увлажнились глаза. Но чувство радости и облегчения меня не покидало.

Я поставила точку в этой истории. Антон мне не звонит. В моей памяти он останется мужественным самураем, внутри которого прячется маленький ребенок. Я желаю ему

счастья – и принятия всего, что еще подготовила для него жизнь.

И еще: я все чаще думаю о том, что наши родители такие, как они есть. Иногда их очень сложно принимать. Но без этого у нас нет шанса освободиться, чтобы идти дальше, по своему Пути, зная, что где-то далеко остались они – несовершенные, но все же наши единственные родители. Других нет и не будет...

Наталья Олифирович

Опубликовано на сайте: 1 апреля 2014, 5717 просмотров

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ